

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 28-го Августа 1911 года.

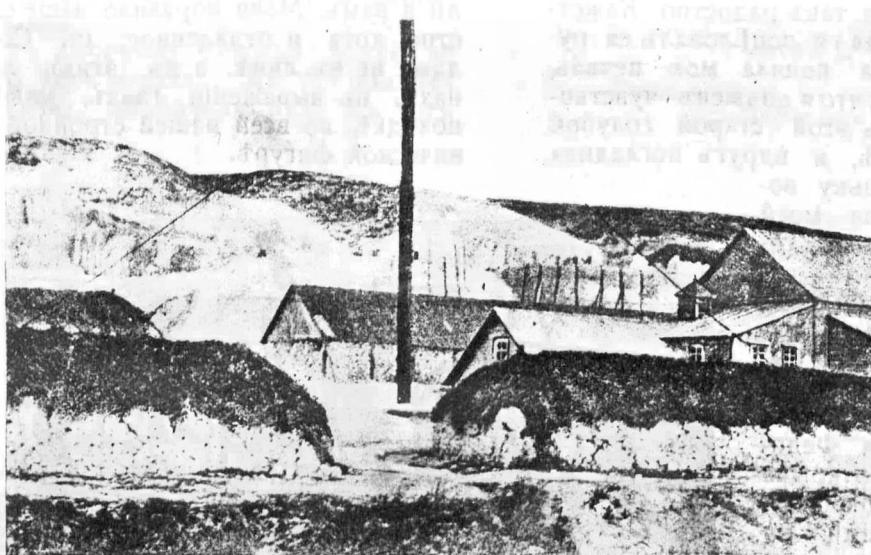
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10382.

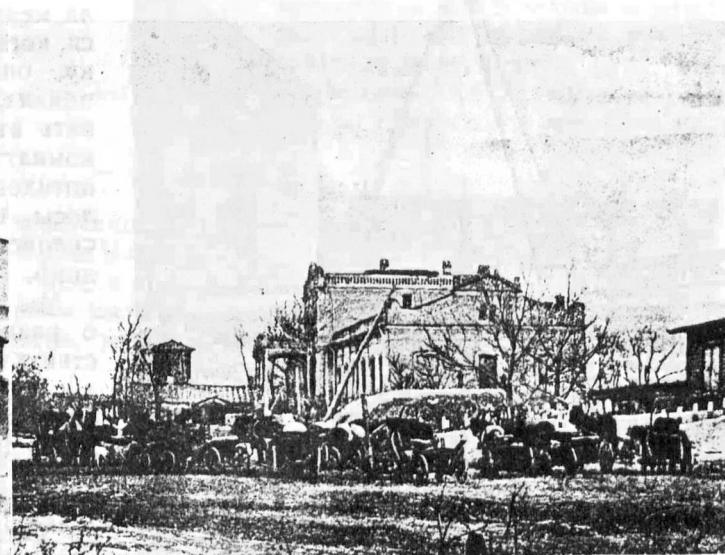
Общий видъ Бѣлгорода.

Соборная улица.

Бѣлгородскіе мѣловые и известковые заводы.

Бѣлгородскій вокзалъ.

Послѣднее письмо.

Наконецъ, собрался я написать вамъ, моя маленькая Лина, вѣрнѣе, рѣшилъ написать въ отвѣтъ на ваши драгоцѣнныя беспокойныя письма, которыя, признаюсь, такъ радовали, такъ золотили мои одинокіе дни..

Но вотъ взялъ въ руки перо и невольно улыбнулся. Это, вѣроятно, та самая печальная улыбка, которую вы такъ старательно сгоняли съ моего лица.

Дѣло въ томъ, что почти около меня, на книгахъ, лежитъ тяжелое пресс-папье съ зеркальной поверхностью, и, закуривая папиросу, я увидѣлъ въ немъ верхнюю часть своего лица,— усталые глаза, лобъ съ продолговатой морщинкой и совсѣмъ сѣдые виски.

И улыбнулся... Вѣдь, это письмо праздные люди, навѣрное, назвали бы „любовнымъ“, такихъ я почти не писалъ и въ молодости, а вотъ теперь... И эти усталые глаза, эти сѣдые виски. Согласитесь, Лина, что я не могъ не улыбнуться...

Мнѣ сорокъ восемь лѣтъ. Когда я сказалъ вамъ это, вы засмѣялись своимъ красивымъ груднымъ смѣхомъ и уронили:

— Только!

Но развѣ дѣло въ годахъ? Вы и представить себѣ не можете, какъ я стары! Помимо лѣтъ, современный культурный человѣкъ несетъ на себѣ тяжелое наслѣдіе долгихъ поколѣній,— столько ненужныхъ знаній, волевой усталости, а главное— скептицизма, безвѣрія, меланхоліи.

Но, все-таки, я не могу не написать вамъ передъ отѣздомъ, не сказать всего, что наполняетъ мое сердце такой безысходной тоской. Поймете ли вы только меня? Я прощаюсь съ вами, Лина. И не только съ вами. Прощаюсь съ послѣдней красотой, радостью, съ послѣдними солнечными лучами. Это послѣднее, Лина.

Слова бессильны. Я вотъ пишу медленно своимъ обычнымъ аккуратнымъ почеркомъ; строчки ровно ложатся подъ строчками и выглядятъ мертвыми и холодными. А между тѣмъ никогда я еще не страдалъ такъ, какъ

сейчасъ. Тысячи ласкъ, тысячи признаний, словъ и криковъ переполняютъ мою мысль... Минутами перо становится такимъ тяжелымъ, что я боюсь уронить его.

Кажется, было бы лучше, если бы вы, моя дорогая дѣвушка, сидѣли сей-часъ около меня. Я лучше рассказалъ бы вамъ все.

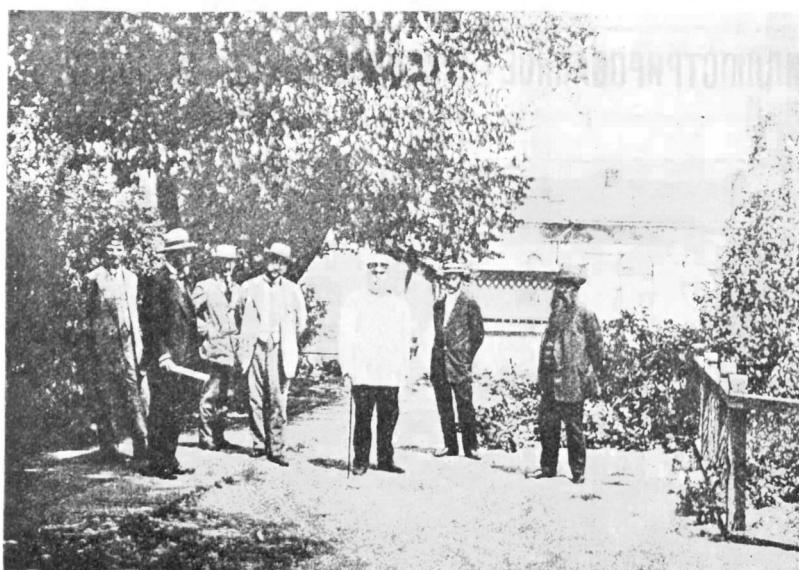
Я не спалъ всю ночь и теперь, кажется, знаю, что чувствуетъ человѣкъ, который самъ надѣваетъ на свою шею петлю.

Да, всю ночь я не спалъ, думалъ о васъ, припомнилъ до деталей каждый день послѣднихъ пяти мѣсяцевъ.

Совершенно случайно попалъ я въ городъ, гдѣ протекли лучшіе годы моей молодости. Тѣ же камни, тѣ же дома. Свѣтлая улички съ осенними желтыми деревьями.

Часа два я бродилъ въ саду. На аллеяхъ темные листья, на моихъ вискахъ сѣдые волосы. Въ этомъ была гармонія печали, гармонія осени. Здѣсь все напоминало мнѣ Соню. Это единственная женщина, которую я любилъ, которая одно время была моей невѣ-

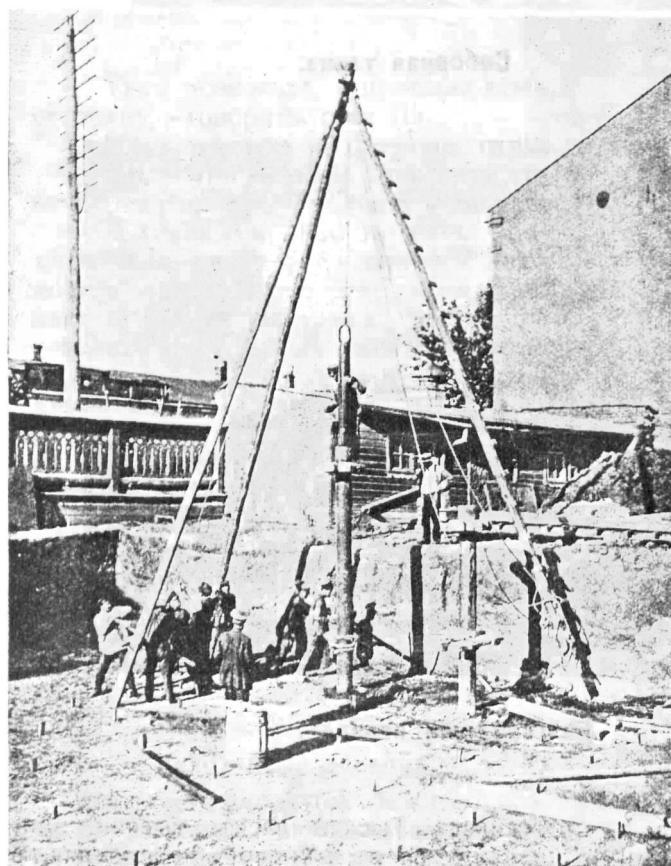
Постройка новой электрической станции въ Харьковѣ.

Выборъ и подготовка мѣста.

Копка выемки для фундамента.

Забиваніе первой бетонной сваи.

Среди нихъ я узналъ нѣкоторыя вещицы, изготовленные Сонинными руками.

Зинаида Федоровна встрѣтила меня такъ радостно. Кажется, когда я поцѣловалъ ея руку, она поняла мою печаль, поняла, что я долженъ чувствовать въ этой старой голубой комнатѣ, и вдругъ погладила потихоньку волосы на моей склоненной головѣ.

Мы болтали о разныхъ пустякахъ, но было грустно. Я сѣль къ роялю. Зинаида Федоровна открыла свой шкафикъ съ нотами, но ноты не были нужны.

Я положилъ пальцы на желтоватыя клавиши, и, кажется, мой старый знакомый самъ заговорилъ и запѣлъ для меня.

Лунная со-
ната.

Эти звуки удивительно гармонировали съ этой комнатой, тонущей въ голубоватомъ полуэмакѣ.

Кажется, долгіе годы морозили мою душу, и теперь она оттаявала.

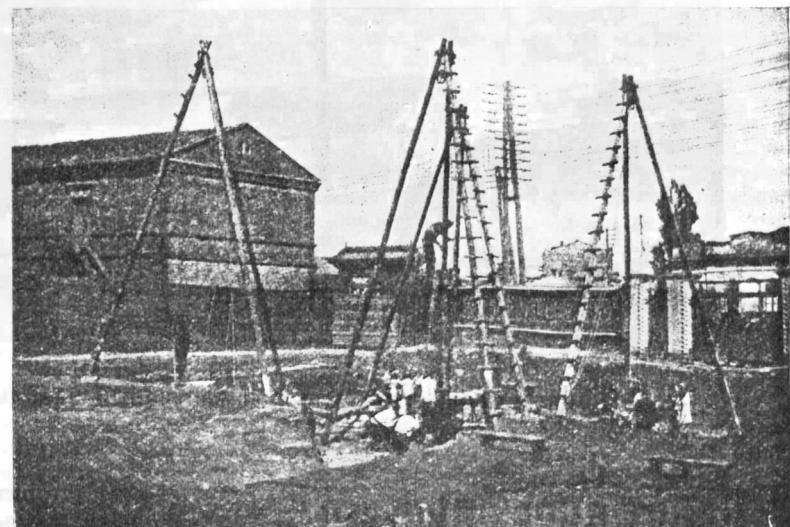
Въ это время скрипнула дверь изъ столовой, и вошли вы Лина.

Вы неслышно подошли къ столику съ альбомами и сѣли какъ разъ противъ меня.

Четыре года назадъ я видѣлъ васъ. Тогда вы кончили гимназію. Кажется, я даже говорилъ тогда съ вами, но едва ли я, дѣйствительно, видѣлъ васъ. Поэтому теперь я взглянулъ на васъ удивленно. Вы такъ выросли, окрѣпли. Высокая, стройная. Бѣлая кофточка, простая прическа, и эти ваши золотые локончики,—концы тяжелыхъ косъ,—около правой щеки. Кажется, золотой ручей сбѣгалъ съ вашей

головы и, не добѣжавъ до плеча, застылъ тонкими сверкающими кольцами.

Садясь, вы кивнули мнѣ головой и улыбнулись. Не помню уже, отвѣтилъ я вамъ. Меня поразило ваше сходство, хотя и отдаленное, съ Соней, даже не въ лицѣ, а въ этихъ локонахъ, въ выраженіи глазъ, улыбкѣ, походкѣ, во всей вашей стройной дѣвической фигурѣ.

Полный ходъ работъ по забиванію бетонныхъ свай.

стой, но.. Не стоитъ говорить объ этомъ. Соня—сестра вашей матушки, младшая сестра. Рассказы о ней вы, вѣроятно, слышали...

Сумерки въ гостинице—самый невыносимый часъ для нервныхъ людей. Я не вынесъ ихъ, и послѣ нѣкотораго колебанія отправился къ вашей матушкѣ.

И вотъ этотъ незабываемый, почти роковой вечеръ въ голубой залѣ.

Ничто не измѣнилось въ ней. Лампа на столѣ подъ голубымъ абажуромъ; при свѣтѣ этой самой лампы я такъ часто любовался тонкимъ Сониннымъ профилемъ. Въ углу старый рояль, съ свѣчами въ колпачкахъ; на всемъ печать женской заботливости,—вазочки, альбомы, вышивки, различные рукодѣлія.

Моимъ пальцамъ вдругъ сообщилась юношеская гибкость, моей музѣкѣ—вдохновеніе. Въ этотъ моментъ я не узнавалъ и не понималъ себя. Я смогрѣлъ на васъ такъ, словно видѣлъ сонъ. Смотрѣлъ съ обожаніемъ, съ тоской, хотя даже не понималъ хорошенъко, что у столика съ альбомами находится маленькая Лина. Я нечувствовалъ, что играю, что двигаю пальцами, но самъ зачарованный слышалъ таинственную музыку таинственного сна.

Лѣть пять не игралъ я такъ даже на концертахъ.

Въ этотъ моментъ произошло то, что такъ рѣдко случается въ жизни.

Два человѣка, такие далекіе другъ отъ друга, почти незнакомые, отдѣленные одинъ отъ другого громадной разницей знаній, жизненнаго опыта, психо-

логіи, и, наконецъ, лѣтъ, вдругъ безъ всякихъ словъ соприкоснулись душами и поняли другъ друга съ исключительной полнотой и правдой.

Мое волнение мнѣ понятно, но теперь я, кажется, понимаю и то, что происходило съ вами.

Мягкій голубой свѣтъ лампы, прекрасная музыка и этотъ мужчина съ сѣдыми висками и влюбленными глазами. Извѣстный художникъ, известный музыкантъ, о которомъ вы кое-что знали. Знали о его далекой любви, знали, что когда-то онъ рыдалъ въ этой самой голубой комнатѣ... Согласитесь, что все это слишкомъ романтично, чтобы не подѣстствовать на воображеніе дѣвушки. И я вѣрю, вѣрю, моя дорогая Лина, вашему признанію: „Я полюбила васъ въ первый же вечеръ. Я сразу вздрогнула, когда встрѣтились наши взгляды. Я едва удерживала желаніе броситься передъ вами на колѣни“.

Сонъ продолжался; я игралъ, но музыка шла отъ васъ. Я только тогда оторвалъ руки отъ клавишъ, когда услышалъ, что Зинаида Федоровна плачетъ.

— Боже мой, какъ вы играли сегодня! — сквозь слезы сказала она мнѣ.

И помните ли, Лина, мои слова? Я сказалъ:

— И, вѣроятно, никогда болѣе не сумѣю такъ играть... Да, вы помните эти слова, вы поняли ихъ. Въ тогъ

Князь Д. Н. Цертелевъ.

Поэтъ и публицистъ — философъ. Скончался 15 августа въ своемъ имѣніи, Тамбовской губерніи.

моментъ одна тайна связывала насъ, и потому, можетъ быть, вы такъ быстро вышли изъ голубой комнаты.

Два мѣсяца я прожилъ въ вашемъ городкѣ, два мѣсяца я не могъ овладѣть собой. Да, я поюбить васъ, Лина, безумно полюбилъ. Въ мои годы этимъ уже не играютъ.

Мнѣ казалось, что вдругъ совершилось чудо, что я снова ученикъ консерваторіи; я дорожилъ каждымъ вашимъ словомъ, каждой улыбкой. Я мечталъ, игралъ для васъ свои лучшія вещи, рассказывалъ вамъ какія-то сказки и только боялся, что сонъ разрушится, послѣдній золотой сонъ, который намъ иногда даритъ жизнь передъ окончательной смертью сердца. Поймите, Лина, эту ужасъ!

Мнѣ казалось, что мое лицо, когда

Петръ I.

Король сербскій. Къ пріѣзу его въ Петербургъ.

вы рядомъ, становится мальчишески счастливымъ. Такъ оно и было. Я стыдился своего счастливаго лица, я прятать его отъ людей. Съ вами ко мнѣ вернулась на время юность, мечты, радостный смѣхъ.

Въ отвѣтъ на ваше признаніе я отвѣтилъ, что обожаю васъ, какъ самое дорогое, послѣднее свое сокровище. А вы не вѣрили, Лина. Вамъ все казалось, что я просто шути, какъ взрослый съ ребенкомъ. Тогда я сказалъ:

— Но посмотрите на мое лицо, на мои глаза.

Вы смотрѣли долго, серьезно. И, вѣроятно, мои глаза были полны исключительнымъ обожаніемъ; вѣроятно, мое лицо было очень счастливо, такъ какъ какъ вы уже не сомнѣвались болѣе въ моей любви.

Затѣмъ начались для насъ такие исключительные дни. Ихъ мы проводили вмѣстѣ. Поѣздки за городъ, вѣчера въ саду или въ голубой комнатѣ. Я непрерывно смотрѣлъ на васъ. Я навсегда хотѣлъ запомнить васъ, взять въ свою душу какъ можно больше золота отъ вашихъ глазъ, вашего смѣха, улыбки, огъ вашихъ волосъ.

Смотрѣлъ и цѣловалъ ваши тонкія руки.

Иногда вы сами наклонялись и цѣловали меня или гладили рукой мои волосы, когда я игралъ...

Я никогда не забуду этого. Кажется, за каждую вашу улыбку я заплачу годами одинокой тоски.

Какіе дни!

Помните, Лина, садикъ, гдѣ играла по вечерамъ музыка? Мы часто тамъ бывали.

Самый шаблонный городской садикъ. Нѣсколько чахлыхъ деревьевъ, прикрывающихъ стѣну сосѣдняго дома.

Нѣсколько скамеекъ, нѣсколько газовыхъ фонарей.

Музыка... Опять таки самая обычная провинціальная музыка. Въ другое время мнѣ, музыканту, она буквально разодрали бы уши.

И вотъ представьте, моя дорогая Лина, во всемъ мірѣ нѣть сада, нѣть музыки, которые были бы такъ прекрасны, какъ вашъ садикъ. Въ сравненіи съ нимъ ничтожны даже версальские сады, гдѣ я когда то прошелъ нѣсколько своихъ обычно-одинокихъ часовъ.

Мы сидѣли съ вами недалеко отъ эстрады, и я рассказывалъ вамъ сказки, которая должны были иллюстрировать музыку. Не помню уже о чёмъ, но только вы такъ дасково улыбались мнѣ, ваше лицо было такимъ счастливымъ.

А помните, какъ однажды послѣ обѣда мы отправились за городъ, въ старую рощу.

Бродили долго среди деревьевъ; вы, Лина, даже бѣгали и пѣли. Я усталъ и прилегъ на лужайкѣ. Вы сѣли рядомъ, и нашло на васъ какое-то мальчишеское настроеніе: золотоволосая Лина, напоминавшая мнѣ Вагнеровскую Валькирію, срывала листья съ кустарника и... складывала ихъ на мои волосы, а потомъ вдругъ наклонилась, схватила мою правую руку и быстро поцѣловала: „рука артиста“, сказала Лина... Потомъ мы захотѣли напиться

К. В. Изенбергъ.

Авторъ памятника погибшимъ морякамъ миноносца „Стерегущій“. Скончался 19 августа.

Чаю. Отыскали какую-то избушку съ смѣшной вывеской — „самоварный ресторанъ“.

Намъ подали чай, хлѣбъ и бамочку жиценькаго варенья. Какъ вы были забавны, Лина! Мальчишеское настроение не оставляло васъ. Я смотрѣлъ и смеялся. Сначала вы налили полное блюдечко чаю, затѣмъ бухнули туда варенья прямо изъ банки и расплескали чай.

— Я такъ люблю, сказали вы, смеясь.

Намазали вареньемъ хлѣбъ и стали есть. Но въ это время подѣжала къ столу мохнатая собаченка и уставилась на васъ масляными глазами. И вотъ, держа край хлѣба своими сверкающими зубками, вы оторвали его вторую половину и бросили собакѣ.

А потомъ схватили баночку и прямо изъ нея вытаскивали ложкой красныя ягоды клубники и щли... Чай расплескали, хлѣбъ раскрошили, руки перепачкали вареньемъ, собаченку раздразнили сладкимъ, и она прыгала прямо къ вамъ на колѣни... Ну совсѣмъ ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ! Я смотрѣлъ на васъ и хохоталъ. А вы надували губки и взглядывали на меня съ комичнымъ выражениемъ недоумѣнія на зарумянившемся личикѣ и погомъ сами начали хохотать...

Сколько радостныхъ, солнечныхъ дней!

Но довольно обѣ этомъ. Вы сами понимаете, Лина, какъ я былъ счастливъ. О, какъ я былъ счастливъ!

Я уѣхалъ. Вы часто писали

— Какъ! теперь поѣзда отходить во-время? Съ которыхъ порѣ?

— Съ этого утра.

— И вы не сидѣли обѣ этомъ объявленія въ газетахъ...
("Flied. Bl.").

Антиеврейскіе беспорядки въ Англіи.

Арестованные громилы.

— Я пришелъ васъ успоксить вполнѣ.

— Въ чёмъ, докторъ?

— Ваша жена умерла не отъ холеры, но отъ поноса,— болѣзнь опасная только для нея.

("Flied. Bl.").

Будьте счастливы. Жизнь ваша начинается.

Дорогая дѣвушка, развѣ вы не знали, что всѣ сказки именно такъ кончаются. Дорогая моя дѣвушка...

Прощайте, Лина.

Ал. Станкевичъ.

Одесса.
25 августа 19*.

СМѢСЬ.

Бумага изъ травы.

Заграницей стали уже выдѣлывать бумагу изъ травы. Массу травы промываютъ во-

— Чтобы не выпили моего пива, я сдѣлалъ надпись—я сюда плонулъ. Какая свинья приписала: и я тоже?

("Flied. Bl.").

мнѣ, и вотъ я отвѣчаю вамъ, наконецъ.

Да, я люблю васъ, Лина, безумно люблю. Въ любви этой и красота, и святость, и благоговѣніе. Такъ любятъ осенью послѣдніе солнечные дни.

И все-таки я прощаюсь теперь съ вами. Я не могу принять вашу любовь—она слишкомъ прекрасна для меня. Я не могу соединить вашу начинающуюся жизнь съ своей угасающей. Простите за неизящное сравненіе: это все равно, что положить бриллиантовое ожерелье не въ красивый ларчикъ, а въ картонную коробку изъ подъ папиросъ...

Нѣтъ, Лина, мы должны проститься. Вы дали мнѣ послѣднее осеннее счастье, но я уже не сумѣль бы продлить его.

Вѣдь, я не поспѣю, Лина, за вашей веселостью, дѣтской любознательностью, жизнерадостностью, за вашимъ юношескимъ оптимизмомъ. Вы всегда бы чувствовали, Лина, около себя тяжелые шаги старѣющаго человѣка. Это походило бы на осенний холодъ, побивающій прекрасные цветы сада.

Сначала вы не замѣтите этого, но потомъ сами ужаснетесь. А вашего

разочарованія, Лина, я уже не могъ бы пережить. Я не хочу этого вашего разочарованія, я не хочу губить васъ, не хочу потерять мое свѣтлое воспоминаніе о васъ, потерять золото вашей улыбки.

Теперь я уѣзжаю на Востокъ; куда именно? Все равно. Мои чемоданы уже уложены.

Я люблю Востокъ. Онъ чуждъ нашей европейской сути и пошлости, Тамъ много солнца, тамъ люди подолгу сидятъ неподвижные на какомъ нибудь камнѣ, и созерцаютъ природу. Тамъ люди благоговѣйной молитвой сопровождаютъ солнечный закатъ.

Мое солнце тоже заходитъ. Я буду чувствовать себя тамъ, какъ дома. Буду созерцать прекрасную природу, буду слушать симфонію неба и земли въ часы заката, буду мечтать о васъ... Вы — моя послѣдняя любовь.

Вспоминайте иногда обо мнѣ. А я... Мнѣ, Лина, позвольте до конца сохранить вашу улыбку. Это, вѣдь, послѣдняя радость, которую подарила мнѣ жизнь, которая будетъ согрѣвать всѣ мои остающиеся дни...

дой, выщелачиваются въ горячей содѣ, опять промываются и укладываются въ чаны. Въ дѣло идутъ травы всякихъ родовъ, слѣдуетъ только собирать ихъ ранѣе цветенія. Волокно новой бумаги отличается замѣчательной гибкостью и вязкостью. Благодаря этимъ свойствамъ, изъ травы можно вырабатывать лучшіе сорта бумаги. Выгодность производства вѣнѣсеннія, такъ какъ изъ двухъ фунтовъ сухой травы получается одинъ фунтъ бумаги. Если новое производство разовьется, то мы скоро будемъ свидѣтелями полнаго вытѣсненія съ рынка бумаги изъ древесной массы.

